

Год издания IX

Выходит 4 раза в год

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

№ 22

1954

«ПОСЕВ»

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И СТИХИ

Георгий Петров	
Ее не будет больше никогда	5
Л. Алексеева	
Мой осколок	9
Н. Неймирок	
Товарищ баронесса	15
А. Кашин	
За жизнью жизнь!	17
А. Ремизов	
Три сказки (Мышонок, Журавлиная мудрость, Пификово сердце)	25
В. Свен	
Серка	30
И. Сургучев	
Письмо Периколы	39
Б. Филиппов	
Стена	46
А. Лисицкая	
Сонеты	52
Анатолий Дар	
Солнце всё же светит (роман)	55

А. П. ЧЕХОВ

Этторе Ло Гатто	
Чехов в Италии	102
Николай Татищев	
А. П. Чехов и французы	105
К. Фитцлайон	
Чехов в английской литературе	113
Грета Йельм	
Чехов-драматург в Швеции	115
Виллиам Йенсен	
«Вишневый сад» в Дании	119
А. Н.	
Чехов у сербов	120
Глеб Струве	
Чехов, Мейерхольд и фальсификаторы	121

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

В. Марков	
О Хлебникове	126
С. Левицкий	
С. Л. Франк и его учение	146
Е. Двойченко-Маркова	
Пулково и американские астрономы	154

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

А. К. — «Философия случая». А. Н. — Описания и обобщения. Е. Таубер — «Ветви».

Обложка Н. Нико

ТРИ СКАЗКИ

МЫШОНОК

Когда он сидел на берегу и следил за тихой речной жизнью, коршун пролетал над рекой, нес в когтях мышонка, загляделся на странного человека и выронил ношу.

Мышонок упал к ногам, не убился и растерянно, по-мышьи смотрит.

«Возьму-ка к себе домой», подумал странный человек, воспитаю, будет у меня жить, жаль только, не человек, мышка».

И только что он подумал, видит, не мышка, а прижалась к его руке девочка и смотрит на него, чего-то ждет. И разве такую можно покинуть? Он взял её себе на руки и пошёл домой.

И с того дня стала ему мышка, как родная дочь.

Он научил её книги читать и сказки сказывать, и пела она ему по памяти мышьиные песни, и всюду, куда он ни задумает, она с ним — на речку посидеть или подняться в горы, к солнцу, погорячить мысли.

Идет весна, не замечаешь, как настало лето; так и год за годом уходит без оглядки. Не заметил человек, как его мышка расцвела в мышавку.

И задумался человек: пришла пора мышке своим домом жить, надо ей мужа найти, да чтоб из всех самый могучий и крепкий. Очень любил он свою мышку, и судьба ее была его первой мыслью и главным желанием.

*

Он поднялся на гору и сказал солнцу:

— Солнце, кто могучее и кто крепче тебя! Будь мужем моей дочери мышки.

Солнце отвечает:

— Я укажу тебе более сильного.

— Кто же это?

— А вон то облако. Посмотри, как оно уверенно плывет, хочу я или не хочу, оно закроет меня.

И когда облако, подплыв, закрыло собою солнце, он обратился к облаку, предлагая ему в жены свою мышку.

— Нет, сказала облако, есть сильнее меня: это ветер. Ветер подует и, куда ему любо, погонит меня.

И когда оно так говорило, внезапно налетел ветер, дунул, — и от облака следа не осталось.

— Ветер! сказал человек, вижу, ты всех крепче и сильнее, возьми за себя мою мышку.

А ветер расстегнул себе ворот отдышаться. И передохнув, говорит:

— Плохой я муж твоей мышке. Гора, на которой ты стоишь, сильнее меня, пусть самым бурным дыхом, а мне её не сдвинуть.

Человек к горе:

— Твой обнаженный утес скользит воздушнее лунного света, кто его одолеет? А найдется смельчак, венец его победы — пропасть. Чем ты не муж моей мышке?

— Глупый ты человек, ты не видишь, а есть и на меня, на крепкую гору, сила.

С удивлением он смотрит вокруг: кто б это был крепче горы. Да солнце застит глаза, и ветер глушит.

Сквозь ветер едва различает, — говорит гора:

— Царь крыс строит себе дом, подкапывает меня под самое сердце, и по камешкам раскочусь я далеко по полю, и ты меня не узнаешь.

Человек спустился с горы, подстерег крысу.

— Царь, — обратился он к крысе, — ты роешь гору, ты всех сильнее, не возьмешь ли себе в жены мою дочь?

А крысиный царь отвечает:

— Взять-то я взял бы с охотой, да

вот с норой беда, одному не повернуться.

И человек подумал: и зачем это он тогда пожелал, жалеея мышонка, и желанием превратил мышонка в человека. И только он это подумал, как его любимая мышка снова обернулась в мышь и, без прощайте, влетела в тесную крысиную нору.

А человек пошел к себе в дом.

Бедная любовь! Обглоданная мечта. Любовь украсит в любые наряды, но душу не переделать: волк смотрит в лес, мышь — в нору.

ЖУРАВЛИНАЯ МУДРОСТЬ

Наше болото тихое, берега отиенны, остров незабудок. Житье журавлю: без рыбы спать не ложился.

А хорошо, когда глаз зорек и нос чует. Да под молотом годов и сама ящурова крепь трушится. Состарился журавль, куда уж там рыбу ловить. Оголодал. Падают перо, и на ноги не боек.

Бросил журавль болото и пошел к горе: авось, посчастливится! И как будет подниматься в гору, ёж ему на дороге.

— Чего нос повесил? — говорит ёж.

— Да не до песен, — журавль бесильно пожевал клювом, питался я рыбой вдоволь: и поужинаю и на обед. Без рыбы мне, что тебе без хлеба. И жить бы так, варланиваться, а пришли на болото два рыбака, шушукались: «выловим — говорям — всю рыбу».

Ёж вдруг взыгнулся, что по ежиному «готов», и клубком покотился с горы на болото. И прямо к рыбам. И рыбам всё рассказал, что слышал от журавля о рыбаках.

А журавль не дурак, смекнул и за ежом на болото. Подтянулся, ходит по берегу, прохлаждается.

Рыбы говорят ежу:

— Надоумь.

— Чего там рассуждать, говорит ёж, а вы посоветуйтесь с журавлем.

Задыхаясь от страха, рыбы к журавлю:

— Которые рыбаки приходили, хотя нас всех поймать, а мы не хотим.

— Одно вам скажу, подумав, сказал журавль, переходите на другое место. Тут недалеко, знаю, есть болото: воды больше и тростник гуще. Корм вы найдете.

— А ты нас перенеси.

— Боюсь, сказал журавль, сам уж всё наперед рассчитав, — кабы рыбаки не нагрянули. Сразу всех никак не успеть. Разве понемногу.

Рыбы на всё согласны: готовы и на «понемногу», только б рыбакам в ведро не попасться.

— Мы тебя поблагодарим.

— Не за что.

И без разговоров принялся журавль за рыб.

А и правда, вот и не ждешь, откуда помощь приходит.

Всякий день на обед и в ужин приносил рыб на гору: перенесет и съест.

А рыбам и невдомёк: рыбы только и ждут — каждая своей счастливой очереди — попасть в надежное место, где и воды больше, и корм, а главное, безопасно.

*

Не по злой доле сытый, вышел журавль со своего болота на гору поразмяться. И как будет у ежиной норы, ёж ему навстречу.

— Охота мне взглянуть, говорит ёж, куда это ты рыб пристроил?

— А садись на меня. Я тебя живой рукой доставлю. Места привольные! Журавль от удовольствия мягко поплавал над ежом крыльями, а сам думает «съем я и тебя, дружок, заодно».

Ёж передними лапами уцепился журавлю за шею. Журавль встрях-

нулся. И понес дружка в привольные места — кладбище глупых рыб.

И ёж, как увидел: ни вода, ни тростник, а брошены лежат рыбы кости, вчуял всем сердцем свою неизбежную гибель. И крепко обвился лапами вокруг шеи друга, ища себе спасения.

И задушил журавля.

ПИФИКОВО СЕРДЦЕ

Прогнали пифики своего царя Асыку. Не за то прогнали, что состарился — стариков гнать в обычае, — а уж очень с Асылкой беспокойно.

«Мы, пифики, народ простецкий, любим, чтобы все было легко и весело, без никаких загогулин».

И у пификов появился новый Асыка — дурак из дураков. Да с таким ладно: не жмет, не стесняет — пифики больше всего любят свободу. А старый Асыка, царственный обезьян, простым пификом покинул обезьянье царство.

✱

Смутно было на душе. Негодование клокотало из всех его чувств. Он хотел бы этими руками перерыть всю землю, он перегрызет под корень лес и выколет себе глаза.

«Я любил моих пификов, я хотел поднять их природу — наше обезьянье очеловечить. И за любовь, значит, как и за злобу и равнодушие, одна дверь: вот!»

Так пустынной дорогой шел Пифик, и жарко и горько раздумывал. Было бы сжаться ему, как этот спаленный солнцем тростник, и нестись пылью. Бесцельный путь.

Незаметно проникла в его мысли спасительная мысль: «смирись и отваливай!» Эта мысль и выручила его из злого отчаяния.

Пифик дошел до берега моря, дальше некуда. В глаза ему смоковница: под смоковницей и будет дом.

✱

Как-то на обед взял Пифик себе в лапы две винные ягоды, но до рта не донес, одну выронил. Нагнулся поднять и видит: ухватила ягоду чере-

паха и за обе скулы уписывает: знать, по вкусу. Смешно Пифику — заглядевшись, в первый раз он улыбнулся: так близко, на его глазах живое существо сияло счастьем!

В первый раз черепаха отведала сладкую смокву, ей очень понравилось. И присоседилась она к Пифику под смоковницу.

И смоквы засахарили черепаху. Забыла она свой дом и подруга покинула.

А черепаху не по душе: дом опустел, ночью покличешь — молчит, хозяйство распущено, вороха грязного белья, сор по углам. И засела в голову черепаху невылазная мысль, как погубить Пифика — вернуть в дом жену.

✱

Пифику говорит черепаха:

— Пойду-ка я проведу, что-то у нас в доме делается.

Она не то, чтобы соскучилась о муже или набила боскомину на сладком кушанье, нет, а только из одного любопытства: на старые места тянет. Она съела свою дневную смокву, убралась и прощайте.

А её подруг — черепах, как почувял, жена домой возвращается, шмыг на кровать, скорчился и стонет.

— Что случилось? На тебе лица нет, — испугалась черепаха, — давно ты так?

— С каждым днём всё хуже, — и черепах ещё больше подобрался, колени к зубам, что означает очень больно, — сколько докторов перебывало: «нет, говорят, никаких средств медицинских, одно спасение: достать пификово сердце».

Черепаша задумалась: она знает одного пиффика... и вдруг спросила себя, что ей дороже: Пиффик и его сладкие смоквы или черепаший дом?

— Достань пиффиково сердце, сто-нал черепах, одно только пиффиково сердце меня на ноги поставит.

*

Черепаша вернулась под смоковни-цу.

Как ей обрадовался Пиффик!

— Но почему ты такая, спрашивает черепаху, что-то тебя расстроило?

— Нет, дружок, ластилась черепа-ха, всю дорогу только о тебе и дума-ла. Ты не знаешь, как много ты мне сделал. Какая я была раньше и какая теперь: ты мне открыл глаза.

— Что ты, перебил Пиффик, если уж говорить по-правде, конечно, не я, ты мне открыла глаза. После столь-ких черных бед на тебе зажглась моя первая улыбка и ею озарена моя жизнь. Если есть на земле счастье, вот оно — это ты.

— Какой ты добрый, сказала че-репах, я люблю тебя.

И наступило молчание.

Это молчание на безразличный промежуток в вечности: клубится прошедшее и грядущее, а настоящее кануло.

— Я хочу показать тебе наш дом, сказала Черепаша.

— За морем, с прутью заметил Пиффик, далеко.

— Я на своих плечах перенесу те-бя, не беспокойся.

— Но разве это так необходимо?

— Есть три способа показать лю-бовь, — черепах оживилась и, говоря, спешила: — первое: ввести в дом; вто-рое — знакомство с родными и тре-тье — посещение родственников. Я созову много гостей, устрою обед. Ес-ли любишь, надо показать любовь на людях, чтобы все видели. Пред всеми скажу я, как благодарна тебе и как люблю.

— Какая суетная ваша любовь, сказал Пиффик, а я думаю: от любя-щего надо искать глубокое, открытое сердце, а в себе несомненную веру. Открытость и доверие — вот что та-кое любовь.

— Ты думаешь? Но у нас такой обычай. Наш дом на травяном остро-ве, много всяких плодов. Ты с нами останешься жить.

— Я тебе верю, сказал Пиффик, я люблю тебя.

*

И они поехали.

Грозное море. Даль без берегов. Пучина.

Они плыли быстро, но когда до-стигли середины дороги, черепах по-шла тише. И вдруг остановилась — только нахлыв решительной мысли так крепко схватит и не отпустит.

У Пиффика заныло сердце.

— О чем ты? — с тревогой спросил он, — ты — мой верный, мой един-ственный друг, скажи мне правду.

— Я тебе не все сказала, — и чере-пах передохнула, видно было, как беспокойна она, — не могу я тебя при-нять, как надо бы: какие там гости! подруг мой тяжело болен.

— Так надо подумать о целебных травах. На что он жалуется?

Черепаша, глядя — сама пучина! — длинно вытянутыми губами, глухо:

— Какие еще травы? Говорят: одно только пиффиково сердце исцелит его.

И слыша о своей тибелли, — кто ж не поймет? — захлебнулся Пиффик слезами: выдало его обманутое серд-це: «как я ошибся — поверил!» И ему представилась черепаший жизнь: про-ходит просто и легко, как падает ка-мень: «Но кому нужны пространства — какая жгучая моя доля!»

— Почему ж ты меня не предупре-дила, когда мы выходили из дому, я б взял с собой моё сердце, сказал он обратясь к черепахе, у нас такой обычай: когда идем к другу, оставля-ем дома наше сердце: лукавой мысли не было б места.

Черепаша без слов повернула назад.

Они плыли на перегонь с волною сквозь топь и пучину, по пусты-ясту, срезая даль.

Забрежжил берег — а вон и смо-ковница, верный приют.

Подожди, сказал Пиффик, я сейчас.

И прямо к смоковнице.

Обнял ее теплые ветви. И упорно и цепко неуклонно воздушной волной вверх — рванули сухие ветки, сшибаются смоквы.

— Дружок! доносится с берега, слезай скорей и поедем!

А он не слышит — он подымался все выше.

— Да скоро ты там?

— Но я хочу собрать всё моё сердце, — крикнул Пифик, достигнув вершины, — мое сердце до последней капельки крови.